

Глава 34. Роскошь

Чи Шэн и прежде слышал, что семья Гунъи обладает огромной властью и влиянием. Будучи великим кланом в мире самосовершенствования, они служили главной опорой и тылом Даньлин-шань. Однако он и представить не мог, что день рождения одного из молодых господ вызовет в ордене такой переполох.

Казалось, в этот день все ученики, точно сговорившись, только и думали о том, какой бы подарок выбрать, чтобы угодить высокородному юноше. Золото, серебро, драгоценности и редкие диковины — всё это едва ли могло впечатлить молодого господина, который с самого рождения «ел с золотой ложки». До Чи Шэна дошли слухи, что в прошлом году один из учеников преподнёс пару духовных певчих птиц, чем несказанно порадовал Гунъи Лина.

Чи Шэн полагал, что эти подношения — верх расточительства, но на следующий день, непосредственно в день рождения Гунъи Лина, когда школа содрогнулась от грохота барабанов, он осознал, что такое настоящая роскошь.

По тысяче ступеней Чунъюнь-ти, чеканя шаг, поднимался торжественный строй из почти сотни человек. Они нарочито громко проследовали к площади Тайцзи, готовясь к некой церемонии.

Едва проснувшись, Чи Шэн увидел, что обитатели Яо-юань пребывают в лихорадочном возбуждении и наперебой шумят о том, что нужно непременно пойти и посмотреть на зрелище. Сначала он хотел отыскать Линь Фэйсяня, но рассудил, что при таком размахе праздника оба Верховных старейшины — и Лансюэ-цзюнь, и Линьлань-цзюнь — наверняка будут встречать гостей. Позволив толпе увлечь себя, он тоже оказался на площади Тайцзи.

Куда ни кинь взгляд — повсюду людское море; яблоку негде было упасть. С тех пор как Чи Шэн попал в школу, он не видел здесь столько народа: собрались почти все ученики ордена, и площадь заполнилась колышущимся океаном белоснежных одеяний. Настоящее величественное зрелище.

Мечники из свиты семьи Гунъи, разодетые в белое с золотым шитьём, сжимали в руках драгоценные клинки. От каждого их движения веяло мощью, а уровень самосовершенствования явно был не из низких. Чи Шэн заметил, что у каждого гостя в ухе было одинаковое украшение — по-видимому, отличительный знак клана, — которое разнилось с серьгой Гунъи Лина лишь цветом. Он огляделся, пытаясь найти Линь Фэйсяня, и протиснулся вперёд сквозь плотную толпу.

Во главе свиты стояла женщина. Окружённая любопытными, она обменивалась любезностями с Линьлань-цзюнем и перебрасывалась парой слов с Гунъи Лином. Линь Фэйсяня среди них не было.

Понаблюдав немного, Чи Шэн, пока Линьлань-цзюнь его не заметил, тихо выскользнул из толпы. Когда он проходил мимо раскидистого дерева, сверху донёсся знакомый голос:

— Ого! Слышал я, что Гунъи Шаньчжуан сказочно богато, но это уже не просто «богато», это чересчур!

Это был Юнь Нин. Издав короткий, полный изумления вздох, он продолжил:

— Теперь понятно, почему этот маленький дьяволёнок такой несносный и заносчивый. С таким-то состоянием... Думаю, даже если он решит перевернуть весь Даньлин-шань вверх дном, ему и слова никто не скажет.

Чи Шэн с укоризной взглянул на него. Сам он не привык считать чужие деньги, но Юнь Нин был куда искушённое и наверняка сразу прикинул, что золотые и нефритовые украшения на свите стоят целое состояние.

Юнь Нин усмехнулся и, свесившись с ветки, посмотрел на Чи Шэна:

— Утёнок, ты же вроде в неплохих ладах с этим мальчишкой Гунъи Лином? Может, представишь нас?

Чи Шэн и не думал этого делать. Он лишь проворчал в ответ:

— Ты опять несколько дней не ночевал в Яо-юань.

Юнь Нин беспечно откинулся на ствол, по-мальчишески болтая одной ногой в воздухе. Покручивая в руках сосуд с вином, он причмокнул:

— Ну и скучный же ты тип. К чему так строго соблюдать эти дурацкие правила?

— И что же, по-твоему, весело? — спросил Чи Шэн.

Юнь Нин усмехнулся и, запрокинув голову, сделал долгий глоток, после чего небрежно вытер капли вина с подбородка. Он азартно блеснул глазами.

— Вот скажи мне, разве не тоска — стоять на такой торжественной церемонии и обмениваться бесконечными «давно не виделись» да «моё почтение»?

Сердце Чи Шэна тревожно ёкнуло:

— Что ты задумал?

Он слишком хорошо знал, что Юнь Нин обожает сеять хаос.

— Я? Я просто собираюсь развлечься! — С этими словами он ловко спрыгнул с дерева и, подмигнув, протянул вино Чи Шэну.

Тот отказался и поспешил прочь:

— Я ухожу. Иди развлекайся сам.

— Эй, ты уже уходишь? Я слышал, после церемонии семья Гунъи будет раздавать редкие пилюли и тайные свитки всем присутствующим. Наши-то ученики последние пару дней как с ума сошли, дожидаясь этого момента. Такая халява, грех не воспользоваться! Тебе что, совсем не надо?

Чи Шэн лишь скривился и снова отказал. Линь Фэйсяня здесь не было, а значит, и оставаться не имело смысла. Он поспешно направился в сторону пика Гуу-фэн.

Дорога на Гуу-фэн была ему давно знакома. По привычке он заглянул в сад лекарственных трав на склоне, полил и подрезал растения, а затем продолжил путь к обители Линь Фэйсяня.

Под карнизом мелодично позвякивал колокольчик, вторя шуму далёкого водопада.

Миновав крытую галерею над водой, Чи Шэн ещё издали увидел Линь Фэйсяня. Тот беседовал с незваной гостьей. На женщине было одеяние семьи Гунъи, а чертами лица она напоминала предводительницу мечников с площади Тайцзи.

—... Молодой господин Сюань, что вы такое говорите? — донёлся голос женщины. — Глава семьи всегда помнит о вас и надеется на ваше скорое возвращение в поместье...

— Прибытия свиты на день рождения Гунъи Лина более чем достаточно, — перебил её Линь Фэйсянь. Его голос звучал ровно, не выдавая ни гнева, ни радости. — Пустые речи мне не интересны. Здесь, в Даньлин-шань, обращайтесь ко мне подобающим образом.

Женщина прикусила губу, и в её глазах мгновенно заблестели слёзы:

— Хорошо, Лансюэ-цзюнь... Вы... вы и вправду столь бессердечны? Оставим главу, но... но Олд Тай! Она днями напролёт твердит о том, как хочет видеть вас дома... — Её голос сорвался на рыдания.

Увы, женские слёзы не могли тронуть невозмутимого Лансюэ-цзюня. Он бесстрастно посмотрел на неё мгновение, а затем произнёс:

— Хватит прятаться, выходи.

Чи Шэн вздрогнул. Женщина тоже замерла и обернулась. Поняв, что обнаружен, юноша нехотя развеял заклинание сокрытия.

— Подойди, — велел Линь Фэйсянь.

Под пристальным, изучающим взглядом незнакомки Чи Шэн подошёл ближе и низко поклонился учителю:

— Шицзунь...

Затем он вежливо кивнул женщине:

— Здравствуйте.

— Ты взял сэ? — спросил Линь Фэйсянь.

— Да, — ответил Чи Шэн.

— У тебя есть сегодня занятия?

—... Нет.

Тут же Линь Фэйсянь почувствовал мимолётное облегчение.

— Подожди меня немного.

Затем он вновь обратился к женщине, которую звали Юй Сю:

— Юй Сю, возвращайся и передай матушке, чтобы не беспокоилась. У меня всё хорошо.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— Спускайся с пика и разыщи сестру. То, что ты тайком пробралась сюда сегодня... Я сохраню это в тайне. На этом всё.

Чи Шэн чувствовал, как взгляд Юй Сю буквально прикипел к нему. Она смотрела так бесцеремонно, словно хотела вывернуть его наизнанку и рассмотреть каждый дюйм его души.

Наконец она перевела взгляд на Линь Фэйсяня, её лицо исказилось от изумления:

— Он! — Она снова указала на Чи Шэна. — Вы!

Чи Шэн непонимающе моргнул.

Голос Линь Фэйсяня стал ледяным:

— Тебе пора.

В Юй Сю словно что-то взорвалось. Она вскрикнула, задыхаясь от негодования:

— Молодой господин Сюань! Вы всё ещё тоскуете по нему! По нему! Неужели вы настолько ослепли? Вы забыли, как тот человек тогда...

— Замолчи, — Линь Фэйсянь властным жестом задвинул Чи Шэна себе за спину. — Не заставляй меня лично вышвыривать тебя с горы.

Чи Шэн замер. Тот самый «человек», чьё имя в устах Юй Сю прозвучало как запретное проклятие, должно быть, и был тем Линь Саньланом.

«Значит, сейчас я лишь тень? Линь Фэйсянь защищает меня только из-за любви к тому, другому?»

Это чувство было странным: сердце Чи Шэна металось между робкой радостью и глубокой печалью.

— Вы... вы... — Грудь Юй Сю тяжело вздымалась. Она то указывала на Линь Фэйсяня, то на Чи Шэна, а в конце лишь яростно топнула ногой. — Пресмыкайтесь и дальше! В итоге вы всё равно останетесь ни с чем!

Бросив эту гневную тираду, она стремительно ушла.

Чи Шэн молчал. Линь Фэйсянь тоже не проронил ни слова.

— Э-э, шицзунь... — первым нарушил тишину юноша.

Линь Фэйсянь негромко кашлянул, на его лице промелькнула тень неловкости:

—... Идём в дом.

Если бы не недавние слова девы Юй Сю, Чи Шэн счёл бы это приглашение самым обычным. Но

теперь в этой простой фразе ему почудился какой-то иной, волнующий смысл.

— Будешь играть на сэ, — добавил Линь Фэйсянь.

— Оу...

Чи Шэн постарался усмирить свои чувства и с невозмутимым видом вошёл в бамбуковую хижину. Он спокойно установил инструмент, всем видом показывая готовность исполнять обязанности «орудия труда».

На деле же его спокойствие было напускным. Сердце колотилось так бешено, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Обитель учителя! Место, где он отдыхает! Комната, куда почти никому не было дозволено входить!

Чи Шэн украдкой огляделся. Убранство комнаты, в точности как и её хозяин, было предельно скромным, если не сказать аскетичным. Здесь не нашлось бы даже самого простого свитка с живописью.

На этот раз Линь Фэйсянь проявил себя как гостеприимный хозяин. По сравнению с Чи Шэном он подготовился куда основательнее: не только заварил горячий чай, но и выставил угощения.

— Тебе должно это понравиться, — Линь Фэйсянь сел на бамбуковую циновку и пододвинул сладости гостю.

Вообще-то Чи Шэн не слишком любил сладкое. Но, спохватившись, что тот Линь, вероятно, обожал такие лакомства, он взял кусочек и отправил в рот.

— Очень вкусно, — проговорил он.

Линь Фэйсянь заметно смягчился; было видно, что он доволен. Между ними завязался разговор:

— Ты видел мечников семьи Гунъи?

— Да, — послушно ответил Чи Шэн. — Их очень много.

— Я не пошёл смотреть. В прошлые годы их было едва ли полтора десятка, а в этот раз они решили пустить пыль в глаза.

Чи Шэн не совсем понял, к чему он клонит, и лишь согласно хмыкнул.

— И что ты получил? Пилюли или техники владения мечом?

—... Я ничего не брал.

Линь Фэйсянь опустил взгляд и сделал глоток чая.

— Каждый год в этот день семья Гунъи приносит в орден горы сокровищ. В последние пару лет мир самосовершенствования готовится к избранию Главы союза, и клан не упустит случая укрепить своё влияние среди младшего поколения. Так что, если дают — бери. Даже если решишь построить на церемонии дебош ради забавы, тебя никто не посмеет упрекнуть.

Последние слова удивительным образом перекликались с мыслями Юнь Нина. Но если Юнь Нин, вечный гуляка, говорил это с усмешкой, то Линь Фэйсянь произносил эти речи бесстрастно, не поднимая глаз от чашки чая.

Чи Шэну показалось, что он открыл в своём учителе некую новую, доселе скрытую черту.

Гунъи Линь говорил, что в последние дни Лансюэ-цзюнь сам не свой, и даже просил Чи Шэна почаще бывать рядом с ним.

Линь Фэйсянь сам был из семьи Гунъи, однако не пожелал даже выйти к родным. Больше того, он выгнал ту, что тайком пробралась к нему на пик. Очевидно, его отношения с кланом были крайне натянутыми, и их визит лишь сильнее его раздражал. Гунъи Линь, должно быть, предвидел это. Однако Чи Шэн не заметил в поведении учителя ничего странного. Линь Фэйсянь вёл себя слишком буднично — настолько, что это пугало.

Вскоре, впрочем, странности дали о себе знать.

Чи Шэн осознал, что Линь Фэйсянь пьёт чай не переставая, причём чай этот был невероятно крепким. Но даже несмотря на такую убойную дозу, учитель выглядел измождённым.

Более того, он уснул пугающе быстро. Чашка бессильно выскользнула из его пальцев. Линь Фэйсянь словно провалился в забвенье: его голова безвольно склонилась, и он, ударившись лбом о столешницу, мгновенно заснул.